

за рамками классического религиозного сознания? Метафизика и религия как связаны?

Вот вам еще одна блиц-проблема.

И наконец «least, but not last». Есть актуальнейшая политическая проблематика, являющаяся одновременно суперинтеллектуальной. Речь идет об истории. Истории как таковой. Истории вообще. Может быть, собравшиеся здесь философы не чувствуют остроты этой проблемы, а я чувствую. Может быть, теологи не чувствуют, чем им грозит «предъява», при которой история тотально порочна, ибо начинается с грехопадения, с изгнания Адама из Рая?

А семь дней Творения — это не история?

Когда Василия Родзянко привезли в Троице-Сергиеву Лавру, и он начал излагать концепцию, согласно которой космологический «Большой Взрыв» — это грехопадение... Это религия или политика? 2-й Ватиканский собор заявил, что «Большой Взрыв» — это начало сотворения мира. А значит, созданная Вселенная — изначально благая. Родзянко же заявил, что Большой Взрыв — это грехопадение. А значит... созданная Вселенная изначально греховна?

Политическая актуальность темы понятна?

Такие вот у меня соображения в жанре «блиц»...

Перед тем, как умолкнуть, предлагаю всем присутствующим еще раз соотнести себя с мудрым высказыванием М.С. Горбачева: «Не я писал — УЧЕНЫЕ писали». Так интеллектуалы здесь собрались или... Или УЧЕНЫЕ?

От академического знания к практическим задачам

***С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук;
доктор политических наук***

Наша дискуссия разделилась как бы на два измерения. С одной стороны, на первом заседании семинара мы стремимся понять, зачем сюда попали, чем будем здесь зани-

маться и в чем конечный смысл этих занятий. А с другой — в докладе обозначена проблема конкретная, она очень оригинально подана и вызывает соответствующую рефлексию. По замыслу семинара мы на самом деле хотим преодолеть некую пропасть. Даже две пропасти. Одну из них мы уже начали преодолевать: это барьеры между научными дисциплинами, разным категориальным аппаратом, разными феноменологическими накоплениями, разной стилистикой мышления. С разным языком мы сталкиваемся даже сегодня.

Именно это является одной из слабых пространств, которое должно быть приближено к власти, что для меня является аксиоматичным.

Первая пропасть, которую нам предстоит преодолеть — это интегрирование с единой целью знания, которое воплощается в разных формах. Вторая пропасть (рис. 1) — между двумя полупространствами. Власти и общества или государства и нации. При этом возникает такой образ: власть — это сила (иногда «сила есть — ума не надо»). А вот в обществе есть то, что называется «мозги». Национальный интеллект, наука. Сила без мозгов не может быть эффективной. Эффективной, основываясь только на прагматическом полагании. Вся российская история об этом говорит.

Рис. 1

Мне кажется совершенно банальным заявить, что Россия в геополитическом и историческом соревновании, в сравнении с цивилизационными мировыми центрами проигрывает потому, что мозги, даже наличествующие в нации, не приклеены, не приспособлены к этому верхнему силовому механизму. К той самой власти. Эту вторую пропасть преодолеть, приклеить национальные мозги к власти — вот задача, которую мы хотели поставить перед участниками семинара. Мы в своей практике с ней сталкиваемся ежедневно.

Если перейти к обсуждаемой теме, то хотелось бы остановиться на следующем: интереснейший доклад действительно вводит нас в годовую программатику работы семинаров. В ценности мышления, знания, миропознания, миростроительства. Я бы сказал так: от отражения до конструирования. Вот диапазон, который в той или иной мере высветил доклад. Но есть целый ряд поднятых вопросов, которые требуют развития и комментариев.

Относительно начала цепочки ценностей. Ценности, в том числе для власти, бывают относительные и абсолютные.

В нашей практике, когда мы конструируем некоторые государственно-управленческие программы или политики, законопроекты или доктрины и концепции мы столкнулись с тем, что во властном пространстве даже на категориальном уровне категория «цель» не понимается и не применяется. О средствах говорится, иногда даже средства упоминаются как цель (?!), но системного понимания диалектики — интересы, потребности, ценности, цели — нет. Я обращаюсь к категории

Художник А.И. Микловда

цели, о которой докладчик, заявил, что цель — это идеальное. Но очевидно, что этого мало для практики. Потому что в жизни вообще ничего идеального не бывает. Мало потому, что в реальной практике государственного управления цель совершенно лишена ценностного содержания. Она прагматизирована, она количественно умерщвлена. Например, что это за цель — приватизировать все колхозы за 2 месяца и все. А ценности жизни людей? Ценности институциональной сбалансированности национальной экономики и т. д. остаются просто за скобкой. Мы были вынуждены изобретать категорию ценностной цели. Механизм, показывающий как от прикладного уровня, на котором оказывается необходимым формулировать ценностную цель от совершенно утилитарных процедур государственного управления, мы можем попасть, проложив мостик, до неких глубин, философского основания, каких-то изначальных позиций, без которых никогда не сконструировать и этих утилитарных конструкций. Поэтому мне представляется, что совершенно осмыслена, востребована, актуальна задача — увязать высокие философские основания, в том числе ценностных вещей с практикой и прагматикой государственного управления. Это не тупик, в который мы себя загоняем, но наоборот, мы открываем ворота нового пространства анализа и конструирования практики.

Еще два существенных замечания, которые меня волнуют. Мне представляется, что наверное, для пространства практики можно ввести понятие абсолютной ценности, в виде «сущностного существования», как такового. Вот государство, например, оно есть предмет, который должен существовать, как таковой. Если это не признавать, то мы попадаем в либеральную ловушку, для которой ценностный примат — это свобода личности, тезис о том, что государство должно снижать госрасходы в ВВП, государство должно уходить из сферы общественной нравственности, из экономики. В результате государство может исчезнуть (СССР, 1991) и тем самым опровергнуть ценности либералов, потому что

личность под обломками рухнувшего государства никаких своих ценностей сохранить не может.

И последнее. В цепочке, которой был посвящен доклад — ценности, знание, наука, миропознание и миростроительство — последний этап был отражен очень лаконично. А на самом деле, в прикладном смысле, он очень важен. Наука действительно через инструментарное свое воплощение отражает те этапы развития и формы познания, о которых в докладе было сказано. Например, это созерцание, описание, феноменология, теория, переход к абстрактному моделированию, созданию моделей, которые только и могут быть применены для конструирования будущего. Без моделирования, конструирования будущего государственное управление невозможно. Последняя часть — абстрактные знания, абстрактные методы — мне представляются за рамками гуманитарных наук, которые тяготеют к описательности, созерцательности и отражению. Так вот проблема гуманитарной науки заключается в том, чтобы найти свое место в этом дихотомическом пространстве (рис. 2). Между отражением и конструированием. Правая часть шкалы в особенности должна быть концептуализирована, но для меня остается загадкой: где в этой шкале реальное местоположение гуманитарных наук? Как их сместить вправо, как им придать созидательную конструирующую функцию, которая глубину философских оснований и базисов переведет на язык прагматики и утилитаризма государственного управления.

чувственное	—	абстрактное
отражение	—	конструирование

Рис. 2

Это задача, которую, мне кажется, необходимо будет решать в течение всей годовой программы нашего семинара.